

Хроника кампании по изъятию церковных ценностей на Дону

Юлия Бирюкова

Агитация советской власти, проводимая в рамках кампании по изъятию церковных ценностей, может служить образцом циничной антирелигиозной пропаганды. Разработанные тогда приемы и методы применялись в борьбе с Церковью и в последующие годы. Первый материал по истории гонений на Церковь в Донской области опубликован в «Журнале Московской Патриархии» № 12 от 2012 года.

В августе 1921 года Патриарх Тихон объявил о создании церковного комитета помощи голодающим Поволжья. В Донской и Ростовской епархиях сразу же приступили к организации помощи. 16 августа состоялось объединенное собрание духовенства и мирян церквей Новочеркаска под председательством епископа Митрофана (Гринева). Донская ЧК одобрила действия Церкви и даже поблагодарила «за начало доброго дела»(1), несмотря на то что по декрету «Об отделении Церкви от государства» всякая церковная благотворительность была вне закона. В дальнейшем ЧК постоянно контролировала благотворительную деятельность Церкви, и со стороны советских органов власти росло к ней недоверие. Всё это было первым предвестником грядущих репрессий.

В Ростове и Нахичевани-на-Дону в церквях был организован сбор пожертвований. Первоначально «деньги потекли рекой», но вскоре в народе появились сомнения в том, что они доходят до голодающих Поволжья(2), а партийное руководство страны отвергло сотрудничество с Церковью и сознательно пошло на обострение отношений.

Первые шаги по изъятию ценностей

4 марта 1922 года президиум Донского областного исполнительного комитета утвердил состав комиссии по изъятию церковных ценностей(3). На Дону кампания началась 10 марта. Выполняя директивы ЦК, Донская комиссия под руководством члена ВЦИК Александра Муралова решила «из тактических соображений изъятие церковных ценностей начать с еврейских синагог, а затем перейти к христианским соборам»(4). В связи с кампанией среди населения Донской области, так же как и по всей стране, усилились антисемитские настроения; ходили слухи: «Приехали жида, и забирают подряд все ценности». В Ростове-на-Дону профсоюзы просили для агитации за изъятие «посылать докладчика только русской внешности». С 10 по 15 марта производилось изъятие ценностей из четырех больших еврейских синагог, которое прошло спокойно(5).

11 марта комиссия по изъятию церковных ценностей прибыла в крупнейший храм Ростова-на-Дону — кафедральный собор Рождества Богородицы. Народ оказал комиссии стихийное сопротивление.

Созванное по итогам происшествия бюро Донского комитета РКП (б) сделало выводы о необходимости тщательно готовиться к изъятию, признало необходимым активное в нем участие Донполитотдела и Агитпропотдела Донкома РКП(б). От последнего требовалось «развить энергичную агитацию среди войск, сельского населения, рабочих организаций и городских жителей»(6). Приказ Донисполкома от 12 марта предписывал комиссии приступить к работе, не останавливаясь перед применением вооруженной силы в случаях сопротивления. Для этого она снабжалась достаточным количеством вооруженных красноармейцев. С попытками противодействия Донполитотдел получил приказ «расправляться» «самым решительным и беспощадным образом», а сопротивляющихся задерживать и предавать суду ревтрибунала.

Приостановка работ и политизация кампании

Первые волнения вынудили Льва Троцкого и Политбюро ЦК РКП (б)(7) сменить тактику. Работу приостановили. Предписывалось «в каждой Губернии провести неофициальную неделю агитации и предварительной организации по изъятию ценностей», а также «создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской Сапронова — Уншлихта»(8). Последняя была образована для руководства кампанией в Москве, о ее составе и самом факте существования ничего публично не сообщалось. И если официальные комиссии по изъятию церковных ценностей в губерниях состояли из представителей советских органов власти (губернских исполкома, комиссии помощи голодающим и финансового отдела под председательством одного из членов ВЦИК), то комиссия Сапронова — Уншлихта — из представителей партии и ГПУ(9). 27 марта Донской комитет РКП (б) образовал подобную комиссию в составе секретаря Донкома партии, начальника ГПУ и представителя Политического управления Северо-Кавказского военного округа (ПУСКВО)(10). Таким образом, партийные органы и силовые структуры на местах начинали играть ведущую роль в проведении кампании. Создание комиссий ознаменовало окончательный переход руководства ею в партийно-чекистские руки, советские же органы выполняли в этой схеме роль послушного механизма и официального прикрытия, каковым был и сам Помгол.

Агитационная кампания на предприятиях

19 марта 1922 года всем губернским и областным комитетам и бюро РКП (б) было приказано приостановить изъятие церковных ценностей. К моменту получения телеграммы из ВЦИК агитация в Донской области уже началась. Донком РКП(б) приказал усилить работу. Донской совет профсоюзов, которому поручалась разработка и осуществление плана агитации на предприятиях, составил график собраний на неделю — с 28 марта по 5 апреля 1922 года, выделил агитаторов(11). На 5 апреля Юго-Восточное бюро РКП (б) назначило начало «двухнедельника» Помгола на Юго-Востоке России, во время которого агитационная кампания продолжилась(12). Но еще в конце марта в Донсовпрофе отмечали: «на большом количестве предприятий работа проделана и нет никакого смысла повторять то, что уже проделано и навязывать не приходится»(13).

Тем не менее даже среди рабочих и красноармейцев, которые должны были быть опорой власти, отношение к кампании было неоднозначным.

Одна из агитационных публикаций в прессе отразила мнение, бытовавшее в армейских кругах: «А всё же не мы туда положили, не мы и брать будем». Такая позиция служила примером вопиющей «несознательности»(14).

В рабочих районах Ростова-на-Дону отмечалось сомнительное отношение населения к кампании, люди не верили, что ценности доходят до голодающих(15). Рабочих убеждали в необходимости изъятия, в том, что это не противоречит канонам Церкви. Агитация могла опираться на дезинформацию. На общем собрании трудящихся Донской бумажной фабрики докладчик утверждал: «На помощь голодающих до сего времени никто, кроме рабочих и Советского Правительства не откликнулся и не откликается. .. К изъятию в полном смысле этого слова еще не приступлено, т.к. не имеется подтверждения рабочего класса на предполагаемое изъятие»(16). Затем предлагалось подписать документ с одобрением изъятия.

Но не всегда агитационные лекции производили необходимый эффект, и рабочие уклонялись от голосования в пользу изъятия. В отчете профсоюза текстильщиков так описываются результаты собрания фабрик Текстильного треста с общим числом рабочих в 100 человек: присутствовало всего 40 из них, «после заключительного слова заметно люди убывали, когда же была предложена резолюция... к этому моменту оставалось не более как 10-15 человек, каковые ни против, ни за не голосовали, а просто постановили принять доклад к

сведению, мол, работа уже ведется и нас об этом не спрашивали, и пусть продолжают эту работу так, как смогут. Единогласно отнеслись пассивно...»(17).

Различные слои населения Донской области еще были религиозными и именно поэтому негативно воспринимали кампанию. В отчете профсоюза Донской бумажной фабрики говорится об оценке рабочими изъятия: «В этом случае они еще очень настроены религиозно». Из различных мест Северного Кавказа приходили сообщения о том, что происходит «небывалое усиление в массах религиозного настроения, церкви переполнены молящимися»(18). Гонимая Церковь вызывала глубокое сочувствие в народе.

Факт участия рабочих в волнениях центральной властью тщательно скрывался.

За рабочих боролись потому, что, по словам одного из организаторов кампании на Дону Попова, они «имеют большое значение в том отношении, что они связаны с беспартийными массами и являются лучшими проводниками наших идей»(19). Власть не удовлетворяло их отношение к кампании: «Обнаружена и слабая осведомленность рабочих о сущности и важности вопроса изъятия церковных ценностей и некоторое недовольство отсталых слоев рабочего класса. Было признано желательным вовлечь в непосредственную работу рабочих с фабрик и заводов».

Роль прессы в агитационной кампании

В марте 1922 года ГПУ стало говорить о необходимости «идейно-политической» «подготовки масс» к изъятию ценностей, в осуществлении которой признавалась особая роль прессы. Набор приемов, по мнению ГПУ, следовало разработать централизованно: тезисы для агитаторов, инструкцию «для организации общественного мнения» (письма благодарности от голодных губерний, отчеты сопровождающих маршруты представителей верующих, постановления прихожан церковей и т.д.). Организаторами и исполнителями назначались Российское Телеграфное Агентство (РОСТА), Высший Редакционный Совет(20), так называемая литературная комиссия. Материал, предназначенный для прессы, подвергался тщательной цензуре. РОСТА распространяло на места подборки из наиболее удачных статей из московской печати. В отношении духовенства печати предписывалось «взять бешеный тон»(21).

Троцкий был неудовлетворен тем, что некоторые партийные работники не понимали политического значения акции: «Нужны чрезвычайные усилия для того, чтобы передвинуть дело на рельсы политики». Показательно и представление Троцкого о том, какой должна быть агитация: «Необходима самая примитивная, самая простецкая, элементарная агитация и пропаганда по самым элементарным простецким вопросам»(22); «Дать ряд статей. Повторять изо дня в день». Именно так и поступила Донская пресса: агитационные материалы размещались почти в каждом номере газет «Трудовой Дон» и «Советский Юг», первая посвятила материалам кампании около 80 номеров, а вторая — порядка 50.

В агитационных статьях верующие изображались «сытыми», не чувствительными к народному горю. 16 апреля 1922 года, в разгар кампании по изъятию церковных ценностей, на Пасху в газете «Советский Юг» была опубликована статья за подписью М. Рютина. По словам автора, верующие, у многих из которых «имеются большие запасы золота, серебра, хлеба, ценных материй», в свой главный праздник накрывают столы, доставая из сундуков различные яства. А в это время «десятки, сотни тысяч детских ручонков протягиваются... с мольбами о помощи»(23).

Пропаганда изображала Христа революционером, которому, по сути, противопоставлялась Христианская Церковь как контрреволюционная сила. Материалы прессы были призваны стать уроком для всех, заставить «многих трудящихся крепко призадуматься над "своей верой", а иных навсегда покончить с церковью».

Публиковались «письма рабочих» — участников кампании, построенные по одной и той же схеме. Вначале всех их «брал страх», одолевало «сомнение и недоверие». Затем рабочие «убеждались» в необходимости изъятия, опровергали «сплетни о непристойном поведении комиссии в храме», обвиняли духовенство и церковные советы в том, что «все они ста-

рались сорвать то начатое доброе дело советской власти». В одном из писем рабочий заявлял, что «убедился в лживости своих взглядов», что кампания «убила» в нем «оставшуюся еще частицу религиозного уважения».

Нагнеталось представление об энергичном сопротивлении духовенства, которое расценивалось как «организованная контрреволюция», «срыв помощи голодающим трудящимся». Для контраста агитки прессы акцентировали внимание на «героических усилиях» советской власти, прилагаемых для спасения людей от голодной смерти.

Изъятие ценностей

С 20 марта по 20 апреля 1922 года в Донской области(24) проводилась агитационная и техническая подготовка, а с 25 апреля начались непосредственное изъятие и вывоз ценностей(25). К этой деятельности были привлечены рабочие и воинские части Донполитотдела. Попов докладывал, что общее настроение к изъятию улучшилось: «Что касается рабочих, то они оказались вполне пригодными для этой работы... когда мы приступили к изъятию ценностей, то они с ужасом к этому приступали, с ужасом входили в храм. Теперь они видят, что бояться нечего»(26). Так происходила десакрализация святынь в народном сознании. Кампания стала перерастать в настоящее ограбление храмов, когда рабочие буквально «выкорчевывали» драгоценные камни из иконных риз. Последние вместе с другой церковной утварью — крестами, священными сосудами — «утрамбовывались» в целях экономии места в мешки пудовыми гирями, как отмечалось, «с растущим энтузиазмом».

В Ростовском-на-Дону, 1-м Донском и Донецком округах изъятие проходило на фоне ужасающего голода, достигшего уровня Поволжья. Были случаи людоедства и трупоедства, смертность новорожденных составляла 100%. Здесь по понятным причинам отношение к кампании было либо безразличным, либо сочувственным(27). В Верхне-Донском округе, несмотря на то что он также был голодающим, население восприняло кампанию отрицательно. Рабочие просили изъятие не производить из-за «бедности церквей», но власть не вняла этим просьбам: «Мы для того, чтобы сдвинуть работу с места вчера отправили самых лучших энергичных работников», — отметил Попов по этому поводу(28).

4 июня критические замечания были высказаны в адрес Азовской и Большекрепинской комиссий. Последняя «неверно истолковала инструкции и оставила не изъятими многие из ценностей». Видимо, речь идет о том, что эти комиссии восприняли указание декрета об изъятии лишь не имеющих богослужебного значения предметов всерьез и их не изымали.

В Морозовском округе изъятие прошло спокойно и без волнений и завершилось к концу мая. Церкви округа были крайне бедны(29). 31 мая из Сальского округа поступило 32 пуда серебра. В то же время в Москву из Донской области отправилась первая партия ценностей, готовилась к отправке вторая(30).

Итоги кампании

К концу мая были полностью подведены итоги по центральным населенным пунктам Донской области: городам Ростову и Нахичевани-на-Дону, где было изъято более 259 пудов серебра, Новочеркаску, Азову, Аксаю, станице Старочеркасской(31). В целом кампания закончилась в первых числах июня 1922 года(32). Оставалось завершить изъятие в некоторых отдаленных небогатых районах, произвести подсчет полученного имущества и отправить всё в Москву.

Около 120 пудов серебра было изъято только в одной станице Старочеркасской — бывшей столице донского казачества. В Войсковом Воскресенском соборе из иконной ризы был извлечен уникальный изумруд, который имел не только материальную, но и историческую ценность — он был пожертвован по окончании Отечественной войны 1812 года атаманом Матвеем Платовым, и, по оценке ювелира, его ценность на 1913 год составляла 2000 рублей. Там же были изъяты серебряные Царские врата, паникадило (весом в 7 пудов), пре-

стол (8 пудов веса), а ризы икон весили по 2 пуда(33). Для вывоза ценностей из станицы Старочеркасской и церковей Новочеркаска в распоряжение комиссии были предоставлены пароход и 3 вагона(34).

По данным же Донского губотдела ГПУ на 11 июля 1922 года, из храмов области было изъято: 990 пудов (16 216 кг) серебра, более 25 фунтов золота, 2085 бриллиантов, 6313 алмазов, 2620 изумрудов, более 2 пудов жемчуга и др.(35) Отметим, что и эти данные нельзя считать полными, поскольку в некоторых округах изъятие и подсчет ценностей еще продолжались. Всего же по стране удалось собрать 4 650 810 золотых рублей(36), что было крупной суммой. Однако большевики рассчитывали на другие, куда большие средства, к тому же сама кампания потребовала огромных затрат.

Донская комиссия, по неполным данным, получила в Донисполкоме: 26 апреля — 500 млн рублей «на текущие расходы», 6 мая — 800 млн рублей «для выдачи на расходы окружным комиссиям»(37). Кроме этого «из местных средств» выделялись суммы (в рублях образца 1922 года, то есть деноминированных)(38): «на изготовление ящиков для упаковки церковных ценностей и прочие расходы по отправлению их в Центр» — 50 тыс. рублей, «на завтраки сотрудникам финотдела, занятых по упаковке церковных ценностей, подлежащих отсылке в Москву», — 50 тыс. рублей, на компенсации рабочим «за изорванные костюмы при работах по упаковке церковных ценностей» — 16,5 тыс. рублей, «на расходы по проведению процесса по делу епископа Арсения» — 20 тыс. рублей(39). Подводя итоги, можно констатировать, что Донская комиссия по изъятию церковных ценностей показала себя хорошим исполнителем, нередко опережающим распоряжения центральной власти. Агитация и антицерковная пропаганда в прессе, прикрываемая идеей информирования населения о ходе кампании, имела крайне ангажированный и агрессивный характер. В целом кампания по изъятию церковных ценностей стала составляющей антирелигиозной программы большевистской партии, которая цинично использовала всенародное горе для решения своих политических задач.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Протокол объединенного собрания духовенства и мирян городских церковей г. Новочеркаска от 3 августа 1921 г. // Архив Управления ФСБ по Ростовской области (Архив УФСБ РО). Д. П-53110. Л. 327 об.
- (2) Трефилов А., священник. Духовенство, православные и помощь голодным // Советский Юг. 1922. N 19. 26 января. Статья была снабжена комментарием, выразившим болезненную реакцию власти на слова Трефилова о контроле со стороны ЧК.
- (3) Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-97. Оп.1. Д.52. Л.2 об., 23 об.; Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. N 193. 14 марта.
- (4) ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303.
- (5) Там же. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303 об.; Изъятие церковных ценностей // Трудовой Дон. 1922. N 193. 14 марта. 10 марта произведено полное изъятие из хоральной и ремесленной синагог Ростова-на-Дону.
- (6) Архивы Кремля: Политбюро и церковь. 1922-1925. Кн.1. М., 1997. С. 118-119; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941 гг. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 77-78.
- (7) Вместе с Троцким наиболее активную роль в кампании играли Ленин и Сталин. С собственными инициативами, оказывающими воздействие на выработку линии Политбюро, выступала также Лубянка (Архивы Кремля. Кн. 1. С. 16, 24-25, 36).
- (8) Архивы Кремля. Кн. 1. С. 133-134.
- (9) В ее состав входили Иосиф Уншлихт — первый заместитель председателя ГПУ, один из создателей советских спецслужб, Тимофей Сапронов — старый большевик, член президиума ВЦИК, Филипп Медведь — начальник Московского губернского отдела ГПУ, Розалия Самойлова-Землячка и священник-расстрига Михаил Галкин (Горев), «специалист» по пропаганде.

- (10) ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 163. Л. 55.
- (11) [Отчет профсоюза текстильщиков] // ГАРО. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 269. Л. 5.; [План ведения агитационной кампании] // Там же. Л. 6.
- (12) Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 263. Л. 55.
- (13) Там же. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 269. Л. 5 об.
- (14) Молодежь Юго-Востока России. 1922. N 3.
- (15) Горбачев Д.А. Донская Голгофа. Советская власть и Русская Православная Церковь Дона. 1917-1923 гг. Ростов-на-Дону, 2008. С. 116-117.
- (16) ГАРО. Ф. Р-2287. Оп. 1. Д. 269. Л. 7. Сохранена оригинальная орфография документа. — Ю. Б.
- (17) [Отчет профсоюза текстильщиков] // Там же. Ф. Р-3713. Оп. 1. Д. 269. Л. 5 об.
- (18) К изъятию церковных ценностей на Ю.-В. // Советский Юг. 1922. N 87, 96.
- (19) Стенограмма пленума Доноблисполкома IV созыва // ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 49.
- (20) Протокол N 1 совещания в ГПУ о проведении кампании по изъятию церковных ценностей 8 марта 1922 г. // Архивы Кремля. Кн. 1. С. 117.
- (21) [Приложение к протоколу N 115 от 22 марта 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б)] // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. С. 97.
- (22) Предложения Троцкого Л.Д. 9 апреля 1922 г. // Там же. С. 105-106.
- (23) Советский Юг. N 86.
- (24) Донская область включала округа: Черкасский, Ростовский, 1 Донской, Донецкий, Верхне-Донской, Сальский, Морозовский. В 1920-1924 гг. Шахты и Таганрог с округами, небольшая часть Черкасского округа, ныне относящиеся к Ростовской области, входили в состав Украины. В церковном отношении эти области входили в состав Донской и Новочеркасской и Ростовской и Таганрогской епархий.
- (25) ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303 об.; Трудовой Дон. 1922. N 226-228.
- (26) Стенограмма пленума Доноблисполкома IV созыва // Там же. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48 об.
- (27) Шадрина А.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области в 1922-1923 годах // Научно-культурологический журнал: [электронный журнал]. N 14 [232] 15.08.2011 // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main7textid=2991&level1=main&level2=articles>
- (28) ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 303 об. 304; Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 27. Л. 48.
- (29) Центр хранения архивной документации. Ф. Р-277 сч. Оп. 1. Д. 34.
- (30) Трудовой Дон. 1922. N 256. 2 июня.
- (31) См. Трудовой Дон. 1922. Май; Горбачев Д.А. Указ. соч. С. 108-109.
- (32) ГАРО. Ф. Р-1798. Оп. 3. Д. 42. Л. 307 об.
- (33) Трудовой Дон. 1922. N 240. 13 мая; N 242. 16 мая; Советский Юг. 1922. 14 мая.
- (34) ГАРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 52. Л. 42 об. 43.
- (35) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. А-353. Оп. 4. Д. 382. Л. 44.
- (36) Архивы Кремля. Кн. 1. С. 184.
- (37) ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 352. Л. 32, 33 об. Имеются в виду советские рубли.
- (38) Деноминация 1922 г. приравняла новый 1 рубль к 10000 рублей в денежных знаках всех прежних выпусков (то есть обмен был произведен в отношении 1:10000). За месяц совзнак терял до половины своей покупательной способности, а 26 октября 1922 г. Народному комиссариату финансов было поручено «приступить к чеканке золотой монеты, именуемой червонцем». 1 золотой рубль = 1140 рублям совзнаками.
- (39) ГАРО. Ф. Р-3758. Оп. 1. Д. 352. Л. 37 об., 40, 52 об., 80.